

РЕЦЕНЗИИ

Рец. на книгу: Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы XIX–XX вв. Казань: Изд-во КГУ, 2008. 252 с.

Образ города можно творить не только на основании официальных архивных документов и источников личного происхождения, а дополнить легендами, мифами, анекдотами, городским фольклором, частушками, поговорками, устными воспоминаниями. Будучи «переплавлен» мастерскими «руками» историков повседневности этот разнородный массив источников превращается в действительно объемное, почти голографическое изображение прошлого Казани.

В рецензируемой книге новый образ города собран из таких сюжетов повседневной жизни казанцев, которые ранее не «заслуживали» внимания краеведов, писателей, летописцев. У российских обывателей и иностранных путешественников сложилось стереотипное представление о Казани как восточном городе. Авторы книги вынуждены констатировать, что в XIX в. восточной экзотики в облике города и укладе жизни казанцев почти не осталось. Так, приехавший в город в 1805 г. 19-летний Ф. Ф. Вигель не обнаружил в Казани какого-то своеобразия. Напротив, он отмечал, что этот город сильно напоминал ему Москву. Разочарование испытала и французская аристократка — принцесса Таренская, которая отмечала, что «здесь, как и повсюду, нет ничего азиатского, а все европейское».

Провинциализм Казани проявлялся и в неразвитой инфраструктуре, и в самих нравах ее обитателей, «живших эгоизмом, наветами и повседневными дрязгами». Тяга к образованию и высокой культуре в начале XIX в. была очень низкой. Авторы связывают это с тем, что Казань еще не испытала мощного воздействия гимназии и университета, И. Ф. Яковкин не сумел установить прочные социальные связи, для того чтобы закрепить в местном сообществе значимость вверенных ему учебных заведений. В 1807 г. губернатор Б. А. Мансуров сообщал в вышестоящие инстанции: «Упущения в воспитании детей произвели ропот в публике, некоторые берут обратно детей своих, а многие удерживаются отдавать их для обучения... Негодование публики умножилось еще более отрешением от должностей профессоров и учителей университетов, заслуживших одобрения ее».

В книге можно обнаружить много интересных подробностей и наблюдений за стилем жизни казанцев. Детальное описание картины

казанского быта авторы умело сочетают с переосмыслением как известных, так и ранее неизвестных фактов. В книге показано, что Казань соединяла несколько микромиров, существовавших параллельно. Авторы отмечают противостояние центра (города) и окраин, слободок, городского и полусельского быта, разных социальных групп (аристократии, купцов, простолюдинов и маргиналов). «“Высокая” и “низкая” городская субкультуры Казани мало общались между собой. ...Из-за активных миграционных потоков “сельскость” буквально захлестывала городскую повседневность и проявляла себя в негативном, подозрительном отношении неопитов к городскому укладу жизни. Прибывшие в Казань сельчане, в отличие от прибывших в столицу, не стремились изживать свой провинциализм».

Когда читаешь эти строки, невольно припоминаешь до боли знакомые звуки, запахи полусельского быта в центральных районах Казани. Свидетельства поразительной приспособляемости сельского образа жизни к городской среде еще раз подтверждают консерватизм этих культурных форм и отражают медленную смену привычного уклада жизни бывших мигрантов из глубинки. Сохранение садиководничества имело практическое значение: собранный урожай помогал пережить трудные времена. Огородники давали их владельцам чувство защищенности и независимости в нестабильной городской жизни.

Книга пробуждает не только идиллические настроения, но и вызывает грустные размышления об утраченных традициях. Например, пересекавшие город речушки и озера приносили казанцам не только беды, но и радости: их берега и водные просторы были любимым местом проведения досуга. В летнее время Кабан превращался в место купания и катания на лодках. Если бы эта форма досуга была возрождена в наши дни, то наверняка, пользовалась бы у горожан не меньшей популярностью, чем полтора столетия назад.

Другая, быть может, более значимая для города проблема, затронутая авторами книги, — стирание национального своеобразия в архитектуре Казани. Попытки достичь баланса между национальными и интернациональными традициями в архитектуре, предпринятые в 1930-е гг. оказались единичными. Из архитектуры 1950–60-х в памяти всплывает только панно «Советская Татария» (1967), украшающее здание Казанского вокзала (С. М. Бубенкова и В. К. Федорова). Новаторские подходы использования этнических мотивов в архитектуре полиэтничного города не получили продолжения и развития. Сегодня,

когда ландшафт и облик древней Казани стремительно обновляется, элементы восточного, татарского колорита утрачиваются.

Главная заслуга авторов состоит в том, что им впервые удалось проследить каналы взаимодействия между этническими культурами городского населения. Они утверждают, что пограничная полоса взаимодействия между русской и татарской культурой проходила в среде городских низов (кулачные бои, катание на «татарах», татарские офени, ямщики и т.д.), а полоса диалога между русской и немецкой культурами располагалась в основном, в среде местных интеллектуалов. И вывод убедителен: «Разреженное коммуникативное пространство города, слабый диалог культур, отсутствие властных стратегий, действующих в этом направлении, создавали ситуацию, при которой повседневность частного человека не была унифицирована. Она допускала существование в одном времени разных повседневностей».

В первые годы советской власти смена повседневного уклада казанцев была связана с политикой муниципализации жилья. Нашим современникам может показаться парадоксальным, что в те годы простые казанцы не стремились переезжать в центр города, в экспропрированный жилищный фонд. Авторы книги показывают, что и потомственные горожане, и бывшие мигранты из деревни не хотели переезжать в центр, в городскую квартиру. Гораздо престижнее для них было иметь свой дом. «Переезд в центр был для них чреват потерей традиционных жизненных устоев и стиля жизни, в частности, невозможность вести приусадебное хозяйство, осуществлять традиционное вне рабочее времяпровождение, посещать привычные места проведения досуга. Театры, музеи были для большинства трудящихся чем-то непривычным, чужим, а потому — и ненужным... Наконец, место жительства у рабочих традиционно было привязано к месту работы. Несовершенство транспортной системы делало маятниковые поездки в черте города практически неосуществимыми». Вывод исследователей категоричен: «первые попытки превратить центр Казани в среду обитания рабочих путем их механического переселения попросту провалились. Дихотомия «центр — окраины» была очевидной: в обиходе люди окраин называли центр «городом». Сравнивая эти факты с реалиями сегодняшнего дня, мы наблюдаем обратный процесс: центр, планомерно заселенный и освоенный в течении XX в. коренными жителями Казани, представлявшими разные социальные группы, вновь оказался привлекательным для новой элиты.

Очевидно, именно эти процессы, а не хронологические даты, обозначают рубежи и циклы городской истории, начало летописи его нового тысячелетия. Последствия изменений социальной карты города, происходящие на наших глазах, еще не могут быть до конца осмысленны и поняты. Эти процессы — своеобразные тектонические разломы в системе ценностей и обыденных представлений — по масштабности сопоставимы с событиями первых послереволюционных десятилетий. Во внешнем облике города изменения произошли эпохальные: «Образ старинной Казани — города аристократических особняков, классических учебных и присутственных зданий, тенистых садов и парков, шумных татарских базаров — постепенно тускнел и размывался. На смену шла Казань социалистическая — город коммуналок и новых рабочих районов, крупных промышленных предприятий и вузов, студентов-рабфаковцев и молодых производственников. Ни той, ни другой Казани практически уже нет, лишь мимолетные отблески ее иногда промелькнут перед нами». Вероятно, события последних лет еще воспринимаются слишком эмоционально, дни еще не стали временем, а обобщение механическое и беспристрастное еще ожидает нового поколения краеведов.

Книга изобилует увлекательными сюжетами, посвященными истории казанского транспорта, театров, образования, культуре потребления, городским праздникам. Многие факты получили новую оценку благодаря привлечению воспоминаний и устных рассказов старожилов. Книга не может оставить равнодушными казанцев, которые вместе с городом пережили трудные и яркие страницы его истории в XX в. Повседневное пространство города — это наше недавнее общее прошлое, которое определило формирование нашего мировоззрения, культуры, неповторимой казанской ментальности. От этого прошлого мы еще не смогли оторваться, еще пребываем в XX веке, «упираемся» в него личными переживаниями, воспоминаниями о 50-х, 60-х, 70-х и 80-х, 90-х годах. Казань XX века — это уже уходящая натура, многие черты внешнего абриса города и уклада жизни его обитателей утрачены безвозвратно. Почти каждый казанец может добавить детали личной биографии в коллективную панораму истории повседневности. Процесс уточнения может быть бесконечным, поскольку многогранна сама история Казани. Но для того, чтобы эта картина не представляла собой утомительный калейдоскоп событий и частных историй, авторам книги необходимо было

продемонстрировать «высший пилотаж» профессионального мастерства — умения отбирать и интерпретировать источники.

Книга помогает читателю «погрузиться» в атмосферу неповторимого ритма, стиля и колорита казанской повседневной жизни, что пробуждает полузабытое воспоминание о возможности общения через книгу с умными и понимающими собеседниками. Книгу хочется обсуждать с друзьями, знакомыми, людьми разных поколений, выходцами из разных социальных групп. С книгой хочется спорить и дополнять собственными воспоминаниями, чтобы образ стал еще более достоверным, максимально приближенным к правде жизни.

Авторам книги удалось осуществить свой замысел: представить «процесс постепенного превращения старой губернской Казани в новый социалистический город — город коммуналок и новых рабочих районов, рабочих ликбезов. Проследить процесс трансформации жизни советского человека в новых условиях и адаптации жизни провинциальных горожан». Можно только согласиться с оценкой значимости этого труда для культурной истории современного города, данной в эпилоге к книге главой администрации Казани И. Метшиным: «На протяжении XIX–XX веков Казань прошла долгий и непростой путь. В истории города были периоды застоя и кризиса и периоды стремительного продвижения вперед. Казанцы делили с городом его успехи и трудности, его неудачи и достижения, Вместе с изменениями города менялся и сам стиль и качество жизни, их самооценка, формировался своеобразный городской патриотизм». Книга обращена не только к мыслям, но и к чувствам горожан, ее содержание пробуждает в памяти у каждого свой собственный образ города. Знаю, что особые микромиры были почти на всех улицах и во дворах Казани: на Булаке и в Закабанье, в казанских слободках. Это — совсем другая Казань, история которой еще не написана. Как обращение к казанским старожилам звучат слова авторов книги: «...Но пока эти уходящие образы живы в нашей памяти, мы можем повернуть время вспять».

Текст сопровождает прекрасный визуальный ряд, состоящий из 250 фотографий из семейных альбомов, рисунков, гравюр, плакатов, сатирических портретов, иллюстраций из старинных журналов.

Сыченкова Лидия Алексеевна, д.и.н., доцент кафедры социальной философии и культурологии Казанского государственного университета; slid60@mail.ru.